

ГИЛЯНСКИЙ ВОПРОС В РОССИЙСКО-ИРАНСКИХ ОТНОШЕНИЯХ ПРИ ШАХЕ АББАСЕ I

Андреев Артем Алексеевич

кандидат исторических наук, доцент,
Санкт-Петербургский государственный университет
a.a.andreev@spbu.ru

Красуцкий Станислав Андреевич

инженер-исследователь, Санкт-Петербургский
государственный университет
lgd1987@yandex.ru

THE GILAN QUESTION IN RUSSIAN-IRANIAN RELATIONS UNDER SHAH ABBAS

**A. Andreev
S. Krasutskii**

Summary: The article examines the role of Gilan (as a «semi-independent» administrative unit within the framework of the vassalage system that operated in medieval Iran) in Russian Iranian relations under Shah 'Abbas I (1588–1629). The ruler of Biya-pish (as this region of the southern coastal part of the Caspian Sea was also called) Ahmad Khan at the end of the 16th century tried to maneuver in the context of Ottoman-Safavid contradictions. As Moscow's active foreign policy towards the South Caucasus developed, Gilan began to show a noticeable interest in its northern neighbour, seeking to preserve its «semi-independent» status. Based on published materials from the Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA), as well as current developments in Russian and Iranian historiography, the article retrospectively examines the attempt of the rebellious Iranian northern province to preserve its privileged status due to the complexity of the foreign policy situation.

Keywords: Russian-Iranian relations, Fyodor Ioannovich, Boris Godunov, Muhammad Khudabandeh, Shah 'Abbas the Great, Biya-Pish, Gilan, Ahmad Khan, embassy, history of diplomacy.

Аннотация: В статье рассматривается роль Гиляна как «полусамостоятельной» (в рамках действовавшей в средневековом Иране системы вассалитета) административной единицы, в истории российско-иранских отношений при шахе Аббасе I (1588–1629). Правитель Бийа-пиш (другое название данного региона южной прибрежной части Каспийского моря) Ахмад-хан в конце XVI в. пытался лавировать в контексте османско-сефевидских противоречий. По мере развития активной внешней политики Москвы в направлении Южного Кавказа Гилян стал проявлять заметный интерес и к северному соседу, стремясь сохранить свой «полунезависимый» статус. На опубликованных материалах Российского государственного архива древних актов (РГАДА), а также актуальных наработках российской и иранской историографии в статье ретроспективно прослеживается попытка мятежной иранской северной провинции за счёт сложности внешнеполитической конъюнктуры сохранить свой привилегированный статус.

Ключевые слова: российско-иранские отношения, Фёдор Иоаннович, Борис Годунов, Мухаммад Худабенде, шах Аббас Великий, Бийа-Пиш, Гилян, Ахмад-хан, посольство, история дипломатии.

В конце XVI в. дипломатические контакты между Российским царством и Сефевидским Ираном заметно участились. Мотивировано это было османской угрозой, актуальной прежде всего для «кызылбашской державы». Не углубляясь в детали сложной дипломатической борьбы за придание большей видимости утопическому по своей практической реализации «антиосманскому» союзу между Россией и Ираном, поскольку данный эпизод достаточно подробно изучен в историографии [2;3;4;16], выделим в нем сравнительно малоизученный фактор Гиляна.

Актуальной точкой отсчёта начала российско-гилянских отношений стал 1588/1589 гг., когда первое официальное российское посольство Г.Б. Васильчикова в Иран по пути задержалось в Гиляне. В исторической географии последний известен был также как «Бийа-пиш». В

средние века территория северного побережья Ирана делилась на две части – «Бийа пиш» и «Бийа пас». Делились они как по географическому признаку (к востоку и к западу от реки Сефидруд), так и по конфессиональному – на суннитов (последователей ханбалитского мазхаба), так и шиитов («умеренных» зейдитов) [9]. Во время первой встречи русского посла Г.Б. Васильчикова с правителем Гиляна Ахмад-ханом (в статейном списке он упоминается как «царь»), тот достаточно подробно расспрашивал о взаимоотношениях российского царства с Литвой, Крымским ханством, с «немецкими землями». Правитель выразил одобрение тому, что русский царь не притесняет иноземцев «в своей земле». Достаточно интересен небольшой диалог, который состоялся между «царём» и послом относительно православной веры. В итоге, гилянский властитель, по словам Г.Б. Васильчикова, резюмировал – «... а какаву веру Бог велел которым

1 Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (РНФ) № 23-78-10037, <https://rscf.ru/project/23-78-10037/>

The research was carried out at the expense of a grant from the Russian Science Foundation No. 23-78-10037 <https://rscf.ru/en/project/23-78-10037/>

людem имети, и те люди по своей вере в своих верах и пребывают» [6, с. 52].

По описанию переговоров во время аудиенции с Ахмад-ханом в «Статейном списке» Г.Б. Васильчикова видно, что «царя» Гиляна очень интересовало, пойдут ли русские «ратные люди» на османов, занявших Шемаху, если не будет поддержки со стороны шаха Аббаса I. На это посол ответил утвердительно, вероятно посчитав, что хаким лоялен иранскому шаху. В реальности же ситуации была значительно сложнее. Ахмад-хан был наследственным правителем и представителем династии Каркийа, которая правила в Гиляне начиная с XIV в. Хаким Бийа-пиш, будучи наследственным правителем, фактически посвятил всю свою жизнь борьбе против власти Сефевидов несмотря на то, что многим был обязан этой династии. Непростые взаимоотношения мятежного гилянского владетеля с шахом Тахмаспом I описаны во многих исторических хрониках [1; 8; 11] и достаточно хорошо изучены в историографии [12]. Для Сефевидов он однозначно был хакимом, то есть вассально зависимым от них правителем. В сборнике документов индоперсидских отношений под редакцией пакистанского историка И. Риазула Ахмад-хан упомянут как «хаким», т. е. фактически губернатор провинции [15, р. 88].

Неопределенность статуса хакима в особом случае для правителя Бийа-пиш изучалась в работах советских востоковедов. И.П. Петрушевский, ссылаясь на гилянско-иранского историка Али Лахиджи, писал о том, что случаи, когда кто-либо из владельцев Гиляна, находясь в зависимости от Сефевидов, жаловал землю своим вассалам, тем самым демонстрируя свою независимость, были крайне редки [7, с. 111]. А.П. Новосельцев ставил Ахмад-хана в ряд «полусамостоятельной местной знати», с которой вступил в борьбу шах Аббас [5, с. 107]. На обратном пути Г.Б. Васильчиков вновь проезжал гилянские земли, и в городе Дейламан его принимал хаким Ахмад-хан. По завершении аудиенции он присоединил к посольству своего посла – Хаджи Хасана вместе с его братом Мурад-ханом. По сведениям, приводимым известным иранским историком Н. Фальсафи, настоящее имя первого гилянско-иранского посла было «хваджа Хисам уд-Дин Лангеруди», и был он не просто слугой хакима, а его визирем, т.е. одним из главных его приближенных [10, р. 142–143]. П.П. Бушев, ссылаясь на французского историка Л.Л. Беллана, считал, что хваджу Хисам уд-Дина отправили ко двору османского султана, а не в Москву [3, с. 150].

Еще на встрече в Дейламане Ахмад-хан передал русскому послу грамоту для царя Фёдора Иоанновича и настоятельно просил кланяться от его имени Борису Годунову [6, с. 102]. Ахмад-хан прислал от себя и дары, преподнёс «поминки» и посол. Подарки хакима уступали и по количеству, и по качеству шахским дарам [6, с. 130–131], тем не менее, очевидно, что Ахмад-хан стре-

мился продемонстрировать свой особый статус. Российская сторона также обозначала своё особое отношение к Бийа-пиш. 21 июня 1590 г. царь Фёдор Иоаннович принимал одновременно кызылбашских послов наравне с гилянским. После традиционного провода «на отпуск» шахские послы были отправлены в «ответную палату», а гилянского посла попросили остаться [6, с.141–142]. После чего государь царь и великий князь велел принести «меды красные в золотых ковшах» для угощения Хаджи Хасана и одарил гилянца «шубой с бархатом на соболях». После чего глава Посольского приказа думный дьяк Андрей Яковлевич Щелкалов резюмировал итоги переговоров – «... мы грамоту его и поминки велели принять и царя Ахмета в нашем жалованье под своею царскою рукою держати хотим и торговым людем всяким его государства в наши государства с товары ходити поволели, и торг даем по вольной и тебя ныне отпускаем к царю Ахмету...» [6, с. 142].

Иранский историк Мо'эззи, вероятно, был первым, кто в историографии охарактеризовал данный эпизод как первую попытку выхода Бийа-пиш из-под влияния державы Сефевидов и попытку получения помощи от России в этом направлении [13, с. 262]. Полемизируя с ним, П.П. Бушев обратил внимание, что в грамоте, которая была выдана на имя Ахмад-хана, дважды повторялось – «по-твоему прошенью хотя тебя держати в своем жалованье...» и «Ахметь царь и впредь на наше царское жалованье был надежен...» [3, с. 138–139]. При этом в грамоте не содержалось конкретики относительно перехода Гиляна в российское подданство или же поддержки линии союзнических отношений. Единственные обязательства, которые были упомянуты, касались торговых льгот, предоставленных гилянским купцам.

Внешнеполитические шаги в сторону Москвы гилянско-иранского правителя не могли остаться незамеченными при дворе Сефевидов. Однако в иранских источниках не это рассматривается как причина или повод для пересмотра сложившихся отношений между шахом и хакимом Гиляна. По сведениям гилянско-иранского историка XVII в. Абд ал-Фатаха Фумани, конфликт с шахом Аббасом разразился из-за козней некоего хваджи Масиха, которого Ахмад-хан за его проступки разжаловал из визирей и изгнал. «Вероломный» экс-визирь был заменён на хваджу Хисам уд-Дина Лангеруди, который, если верить вышеупомянутым сведениям Н. Фальсафи, был одним из послов в Россию. Хваджа Масих прибыл ко двору шаха Аббаса и опротестовал действия Ахмад-хана. Шах принял решение о вторжении в полунезависимую провинцию. В качестве профасиса (предлога) было использовано неудачное сватовство к дочери Ахмад-хана со стороны сына шаха [11, р. 89]. Внешнеполитические обстоятельства также способствовали планам Аббаса. Османы, заключив мир с Ираном, значительно сузили Ахмад-хану пространство для внешнеполитического манёвра.

В таком отчаянном положении кандидатура российского царя как покровителя показалась вполне перспективной. И правитель Бийа-пиш напрямую обратился за помощью. В феврале 1592 г. его посол Тюркомил, как его обозначают в русских документах, прибыл в Москву. П.П. Бушев на основании русскоязычных документов о данном посольстве пытался доказать его малую значимость из-за приёма «в упрощенном виде» и «без особой пышности» [3, с. 152]. При этом принимали его как представителя «от царя» при соблюдении положенного церемониала [6, с. 154–155].

В тексте грамоты, доставленной гилянским послом, никаких просьб о союзе или подданстве не содержалось и в этот раз. Интерес там представляет формулировка относительно «любовного совета», который «учинился» между царём и хакимом [6, с. 156]. В иранской историографии, по версии Н. Мо'эззи, Борис Годунов во время отпуска посольства «дал положительный ответ и отправил в Гилян своего посла с письмом и подарками». Историк Н. Фальсафи считал, что царь «согласился с желаниями хана Ахмада» [10, р. 1073]. С точки зрения М. Кашефа, любой ответ с его стороны мало что значил, поскольку к тому моменту сефевидский военачальник Фархад-хан по приказу Аббаса уже вошёл в пределы Бийа-пиш [12].

По мнению П.П. Бушева, никакой протекции Гилянцу с российской стороны не было даже на словах [3, с. 154]. В тексте грамоты вновь было обозначено, что «гилянского Ахмета царя хотим держати в своем жалованье и пожалуем». Интерес вызывает речь дьяка А. Щелкалова от царя во время аудиенции. Он обещал, что «учнем к нему (Ахмад-хану) посылать своих служилых татар». Последнее объясняется П.П. Бушевым как предложение выслать помощь «служилыми людьми и чиновниками», что достаточно спорно, поскольку прецедентов отправки русских чиновников в помощь в российско-иранских отношений в конце XVI – начале XVII в. не было. По всей видимости, это было обещание прислать на помощь находившихся на службе у Б. Годунова татар в качестве неофициальных дипломатических представителей.

По вопросу поддержки Гиляна (даже символической) позиция России сближалась с османской. Порта действительно оказывала определённую поддержку Ахмад-хану. Иранский историк Н. Фальсафи приводит письмо от султана Мурада III к Аббасу с просьбой восстановить Ахмад-хана в должности [10, р. 144–146]. По его же сведениям, шах ответил на эту просьбу отказом. Эта дискуссия по переписке, в ходе которой обе стороны обменивались длинными посланиями в стихах на персидском языке, заслуживает отдельного внимания. В крайне вежливой манере султан Мурад пишет, что Аббас не должен гневаться на Ахмад-хана за приезд к нему, потому что «хакимы Гиляна ездили ко двору Османов во времена Тахмасапа и до того, как шах заключил мирный договор

с Сулейманом» [10, р. 147–148]. Это означало, что Ахмад-хан может самостоятельно вести внешнюю политику по «праву давности». Аббас же выдвигал контраргумент о том, что хаким, получивший Гилян в дар от шаха, должен подчиняться указам верховной власти («доулат») [10, р. 146]. Понимая, что Гилян может уйти под власть Стамбула, шах Аббас в письмах к султану предлагает для Ахмада любую другую область, кроме Гиляна [10, р. 149–150]. Эта переписка – удивительный пример длительной дискуссии между правителями двух держав по вопросу назначения губернатора в одной из них.

Реальной помощи мятежный губернатор так и не дождался. Окончание его политической деятельности красочно представлено в османских хрониках. В 1594 году Ахмад-хан («губернатор Гиляна») прибыл в Стамбул «с целью просить защиты императора». Там он был встречен великими людьми государства «с большой пышностью». Однако сбежавший от «домогательств шаха Аббаса» политэмигрант быстро понял, что «королевская милость, оказанная ему, была меньше, чем он ожидал». Огорченный этим, Ахмад-хан попросил отправить его в Багдад. Получив от султана средства, авантюрист, вопреки обещаниям, направился в Ширван, где у него оставались друзья и сторонники. В Гяндже он был арестован местным губернатором и отправлен в тюрьму [14, р. 9–10].

За год до этого в последние дни «полунезависимости» в декабре в Россию прибыл последний посол мятежного хакима – «тезик» Неамет (Нигмат). Он привез государю три грамоты – одну от грузинского царя и две от Ахмад-хана (царю Фёдору Иоанновичу и Борису Годунову). На расспросе в Посольском приказе Неамет подробно рассказал о последних днях правления хакима: о том, как он и его сторонники бежали в Шемаху на семи бусах, об успехах шаха Аббаса на Южном Кавказе (его войска отвоевали в это время Тебриз) и в Хорасане (был отбит Мешхед). Исходя из содержания грамоты к царю Фёдору Иоанновичу нельзя сказать, что Ахмад-хан стремился просить помощи. Вероятно, он спешил уведомить, что его конфликт с шахом носит временный характер и вскоре по замирении Гилян снова сможет торговать с Россией и по желанию на прежних льготных условиях.

Для Москвы крайне важны были торговые связи с Гилянском, особенно в свете османских успехов в восточном Закавказье. Это обстоятельство справедливо отмечал и П.П. Бушев [3, с. 125], но среди иранских историков оно во многом игнорируется. Бийа-пиш был одним из главных поставщиков шёлка и шёлка-сырца после Ширвана. В целом, можно констатировать, что серьёзных намерений в отношении Гиляна российское царство, в отличие от Османской империи, не имело. Здесь скорее наблюдалась выдержанная позиция, связанная с изучением внешнеполитической обстановки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аббас-Кули-ага Бакиханов. Гюлистан-и Ирам. Баку: ЭЛМ, 1991. 304 с.
2. Андреев А.А., Писчурникова Е.П., Костиков С.Е. Несостоявшийся союз: Российско-иранские отношения накануне Смутного времени в иранской и российской историографии // Новое Прошлое. 2020. № 3. С. 84–100.
3. Бушев П.П. История посольств и дипломатических отношений Русского и Иранского государств в 1586–1612 гг. (по русским архивам). М.: Наука, 1976. 478 с.
4. Кораев Т.К. Московская Русь и Сафавидский Иран в Прикаспии XVI–XVII вв.: Соседство, соперничество, сосуществование // Исторический вестник. 2015. № 11 (158). С. 154–199.
5. Новосельцев А.П. Русско-иранские отношения XVII – первой половины XVIII вв. в зарубежной историографии // История СССР. 1960. № 3. С. 183–190.
6. Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией / Под ред. Н.И. Веселовского. Т. 1: Царствование Федора Иоанновича. СПб.: Лештуковская скоропечатня Яблонского, 1890. 472 с.
7. Петрушевский И.П. Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении. Ленинград: Изд-во Ленингр. гос. ун-та им. А.А. Жданова, 1949. 384 с.
8. Шараф-хан ибн Шамсаддин Бидлиси. Шараф-наме / Пер., предисл., примеч. и прил. Е.И. Васильевой. Т. 2. М.: Наука, 1976. 350 с.
9. E.J. Brill's First Encyclopaedia of Islam 1913–1936. Ed. by M. Th. Houtsma, A.J. Wensinck, E. Levi-Provencal, H.A. R. Gibb, and W. Heffening. Reprint Edition. Vol. V. L–Moricos. Leiden: E.J. Brill, 1993. 578 p.
10. Falsafi N.-A. Zendegani-ye Shah 'Abbas-e Avval. Mojallad-e Sevom: Dindari, Siyasat-e Mazhabi, Siyasat-e Dakheli, Edalat, Darayi va Amlak. Tehran: Entesharat-e Daneshgah-e Tehran, 1353. 341 p.
11. Fomani A. a-F. Tarikh Gilan. Rasht: az Entesharat Anjoman Salnameh va Talifaat va Dabiristan Shahpour, 1314. 218 p.
12. Kasheff M. Gilan v. History under the Safavid // Encyclopaedia Iranica [электронный ресурс] url: <https://www.iranicaonline.org/articles/gilan-v/> (дата обращения 19.03.2025).
13. Mo'azzi N.Q.H. Tarikh-e Ravabet Siyasi Iran ba Donya, az Hakhameshi ta Tahavolat-e Akhir. Jeld-e Avval. Tehran: Chapkhaneh Elmi, 1324. 341 p.
14. Naima M. Annals of the Turkish Empire from 1591 to 1659. Transl. by Charles Fraser. Vol. 1. London: Oriental Translation Fund, & sold by J. Murray, etc, 1835. 467 p.
15. Riazul I. A Calendar of Documents on Indo-Persian Relations (1500–1750). Tehran: Iranian Culture Foundation and Karachi: Institute of Central & West Asian Studies, 1979–1982. 511 p.
16. Rybar L. Cisar a šah verzus sultan. Habsbursko-safijovská diplomacia a protiosmanská aliancia. Bratislava: VEDA, 2024. 305 p.

© Андреев Артем Алексеевич (a.a.andreev@spbu.ru), Красуцкий Станислав Андреевич (lgd1987@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»